

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д36

В оформлении обложки
использована иллюстрация *Ольги Терещенко*

Литературный редактор *К. Павленко*

Дербоглав, Евгения.
Д36 Ребус / Евгения Дербоглав. — Москва : Эксмо,
2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-119370-6

В прогрессивном, упорядоченном мире, где талантливые люди черпают свою силу в посмертии предков, а всякая тьма из прошлого бьет по судьбам ныне живущих, следователь полиции Дитр Парцес сталкивается с безумным террористом Рофоммом Ребусом. Ребус преследует врага даже после своей кончины, и полицейскому приходится повернуть время вспять, чтобы изменить судьбу человека, рожденного для зла и мрака.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119370-6

© Дербоглав Е., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

1.

Как пахнет зло

Молоток трижды стукнул, призывая всех к тишине. Большинство затихли, но кто-то продолжил переглядываться, что было громче любого гомона. Андра наклонилась к уху друга, не желая прерываться на острой точке, но Дитр лишь покачал головой.

— Благодарю за внимание, коллеги и уважаемые слушатели, — заговорил Председатель, поправляя церемониальный полушлем. Председателем избрали столичного мэра за неимением иной идеально и в равной степени не подходящей всем кандидатуры. — Продолжайте, госпожа Круста.

Равила Круста сделала вид, что отпила из кривого стаканчика, хотя губы у нее не пересохли, а голос не шёл трещинами, как бывает при сильном волнении.

— Мы общались сорок шесть лет после окончания института — по переписке. Это все, что я могу сказать.

— То есть вы можете сказать, что вы и Рофомм Ребус были дружны? — продолжил Обвинитель.

— Я не могу сказать, что мы были друзьями.

— Вы были в приятельственных отношениях?

— Между нами не было неприязни.

— Так вы можете описать отношения с самым всемирно опасным массовым и серийным убийцей как позитивные? Или вас принудили к таким отношениям?

— Я поддерживала их сама и по всемирной воле, — она нахмурилась, словно вспоминая, и морщины всколыхнулись на её узком длинном лбу. — Я не могу описать их как дружеские, приятельские или романтические в любом смысле. Мы поддерживали интеллектуальную связь. Как вы видите из писем...

— Прошу простить, — Председатель прервал её движением руки. — Не могли бы вы вывести на стену светографии некоторых писем?

— Каких, господин Председатель? — спросил Секретарь, открывая светоскоп.

— По два на выбор господина Обвинителя и госпожи Защитника.

— Год тысяча десять, день двухсотый, письмо госпожи Крусты Ребусу, а также ответное письмо Ребуса, — проговорил Обвинитель.

— Год тысяча двадцать один, день шестой, письмо Ребуса, — сказала Защитник.

— И это всё? — уточнил Секретарь.

— Да, это всё. Всего одно с моей стороны.

Секретарь дал знак осветительному персоналу, чтобы они приглушили газ, и люстра на потолке превратилась в полчище едва заметных огоньков, остались лишь пошепывающие настольные лампы на столах у слушателей. На стене за спиной у Председателя появились увеличенные светом буквы на желтоватой бумаге. Секретарь взял три папки со стола и стал раздавать их по рядам слушателей — каждому по три листа перепечатанных писем. Андра недовольно про-

бормотала, что изучила материалы дела еще до суда, а эти формальности лишь задерживают процесс, который и так длится уже пять дней. Дитр же принялся настолько быстро, насколько он мог в полумраке, читать письма, пока Секретарь обходил верхние ряды.

«Равила, коллега моя», — начиналось первое письмо Ребуса, а второе было без обращения. Дитр скосил глаза на Андру, которая быстро подчеркивала фразы в письме Крусты.

С уважением не соглашусь с тобой.

Ты концептуально не прав, но я понимаю.

Недостаточно исключительно для такого, как ты.

— У вас будет позже время изучить письма подробнее. Кроме того, вам будет предоставлена вся переписка в хронологическом порядке — перепечатанная и заверенная, — сказал Председатель и снова стукнул молотком, чтобы все перестали шуршать перепечатками.

Круста посмотрела на Защитника, та кивнула. Круста продолжила свой рассказ:

— В нашей переписке, можно сказать, шёл многолетний спор, начавшийся ещё в студенческом возрасте. Я не могу сказать, что и в институте мы общались намного чаще, чем по переписке. Я общалась с ним гораздо меньше, чем с большинством сокурсников мужского пола, но чаще, чем с его друзьями по студенческой группировке, о которой, кстати, я не имела понятия. Как и все, я думала, что у них обычная, хоть и неприятная... компашка, так сказать, макабрического настроения.

«Очень правильно думала», — мысленно кивнул ей Дитр. Он хотел состроумничать это на ухо подруге, но Андра оперлась на локти и, застыв на крае кресла, взирала на обвиняемую. Круста говорила задумчи-

во и медленно, слишком неторопливо для политика и чиновницы. Из-за работы светоскопа её старое лицо казалось темным, потемнели даже седые кудри, с тщательным аскетизмом уложенные ради слушания.

— Я поддерживала с ним общение из исключительного интереса к его личности. Можно сказать, Ребус был эмоциональный инвалид. Ему не были известны такие интеллектуально наполненные чувства, как дружба, например. То есть ребята, которые околачивались возле него в университете, тоже не были его друзьями. Но его отношение к ним отличалось от того, как он общался со мной.

Защитник подняла кулак и после короткого кивка Председателя встала.

— Доподлинно известно, что вы и Ребус были Головными студентами со стороны девушек и юношей соответственно. Как вы распределяли обязанности?

— Обычно каждый из Головных студентов занимается всеми соучениками, — ответила Круста. — Но мы сразу договорились о границах ответственности. Вернее сказать, Ребус обозначил эти границы, а я согласилась. Так, я занималась девушками, а он — юношами. О том, как он ими занимался, я старалась не знать.

— Почему? — протянула Защитник.

— Он меня пугал. Некоторые из мальчиков выглядели травмированными. Другие, наоборот, вели себя слишком нагло. Я же следила только за тем, чтобы это никак не отражалось на девочках.

— Но оно отражалось, — Защитник наклонила голову и прищурилась.

— Да, были инциденты, — тут у Крусты действительно пересохло во рту. Она взяла кривой стаканчик и отпила пару глотков. — Первый раз я попыталась

разобраться с ними сама и чуть не поплатилась за это.

— Какого рода был этот инцидент?

— Два парня из его компании, довольно жестоких, сильно навредили девочке из прединститутской группы. Они экспериментировали на ней с болью. По их словам, для причинения боли они не пользовались никакими инструментами, а лишь учились совладать со всемирными силами и сконцентрировать их в чужой боли. Следов и повреждений у девочки не было, но я ей поверила и решила с ними поговорить. После того, как они по своей глупости меня чуть не избили, я обратилась к Ребусу за помощью.

— Это был первый раз, когда вы попросили его о помощи?

— Да. До того нам не удавалось поговорить дольше десяти минут.

— Что произошло, когда вы сообщили ему о нарушении со стороны его подответственных?

— Он собрал нас в гостиной общежития, — ее голос снова стал глухим, и она приложилась к стаканчику. — Устроил импровизированный процесс, где выступал и председателем, и судьей, и обвинителем. Он почти не спрашивал эту девочку, да она и не могла особо говорить. В основном спрашивал меня. Те двое — они, кстати, были крупнее его, — держались немногим лучше девочки. Как бы жестоки они ни были, они его боялись. Он сказал: «Значит, вы хотели сконцентрировать всемирную боль? Вас двое — двое экспериментаторов и двое подопытных. Третий, как мне кажется, вам не нужен». И он попросил... — Круста не выдержала и скривилась.

— Продолжайте, пожалуйста, — приободрила её Защитник.

— Да. Он приказал — он не просил никогда. Приказал им продемонстрировать результаты эксперимента друг на друге.

— У них получилось это сделать?

— Нет. Они не могли сконцентрироваться, ни один, ни другой. Тогда Ребус спросил девочку, сколько длилась пытка. Девочка не смогла ничего ответить — по правде говоря, она не разговаривала после этого дней десять и до конца года держалась так, будто уже растворилась во всемир, а ее тело двигается механически, как голем. Но из того, что она мне успела рассказать, прежде чем замкнулась в себе, я узнала, что пытали её около двадцати секунд — оба, в целом. Сообщила это Ребусу при всех.

— Вы знали, что он собирается сделать? — подал голос Обвинитель. В его голубых глазах зажглось победное предвкушение.

— Напрямую он не сказал, но... — Круста прервалась, потому что Защитник качнула головой. — Он этого не сказал, я не знала.

— Но догадывались?

— Я не знала, — отчетливо и почти по слогам говорила обвиняемая.

— Что Ребус сделал потом? — продолжила расспрос Защитник.

— Он сделал с ними то же, что они сделали с девочкой. По двадцать секунд на каждого.

— Он сделал это при всех?

— Да, это видели все, кто на тот момент собрался в общежитии. Не только я.

— Скажите, об этом идет речь в письме Ребуса, датированном шестым днем года тысяча двадцать один?

— Да.

— Вопросов больше нет, — сказала Защитник и села. Обвинитель поднялся во весь свой высокий рост:

— То есть вы, зная о случае пыток и самовольной расправе Ребуса над подответственными, не уведомили институт?

— Как и все остальные. Кроме того, следов пытки не оставили, и доказать что-либо не представлялось возможным.

— Что случилось с девочкой после того инцидента?

— Как я уже сказала, долгое время она не разговаривала. Она проучилась до конца года, была в очень сложном и отрешенном душевном состоянии. После она решила оставить обучение и уехать к себе домой. Я не узнавала, что с ней стало.

У Дитра дрогнули пальцы. Он увидел вдруг зал институтского общежития, наполненный молодыми людьми в униформенных гражданских мундирах полувековой давности. Видел он отчетливо, словно вспоминал все сам. Он видел, как девочка из прединститутской группы, бледная, угловатая, боящаяся даже дрожать как сигнальная собачка, смотрит все сорок секунд пытки на своих обидчиков и снова чувствует все то же, что они сделали с ней и что делают с ними сейчас. Он видел Равилу и других студентов, не вполне понимающих, что происходит, и забывших даже думать о девочке, одеревеневшей от свалившегося на нее проклятия. Он видел Рофомма, тогда еще не обгоревшего до уродства, молодого, чернокудрого, улыбчивого и уверенного в своем праве на жестокость, — спокойно взирающего на преданные страдания опрометчивых подпевал. Дитр посмотрел на свои пальцы, сжал и разжал их на одной руке, потом на другой — просто чтобы вернуться сюда, где слушали Равилу Крусту.

— Обвинительная бригада, — Обвинитель вытащил папку с бумагами и с шорохом ею потряс в своей большой цеховской ладони, — добыла сведения о ее дальнейшей судьбе. Эта девочка, Марела Анива, после того, что случилось с ней в пятнадцать лет, прожила еще три года. Первого дня год тысяча три она покончила с телесным посредством яда. Из-за того, что никто из родственников или преподавателей не знал, что с ней случилось, и не смог ей вовремя помочь...

— Это не относится к процессу! — Защитник вскочила с кресла. Председатель согласно постучал молотком. Обвинитель умолк. И тут снова заговорил:

— Обвинительная бригада решила обнародовать эти сведения с целью установления отношений Равилы Крусты и Рофомма Ребуса. У меня все, спасибо, — закончил он и с каменным лицом сел, оправляя на себе церемониальную мантию с вышитыми на ней золотыми арбалетом и мечом.

Дитр выдавил неодобрительную гримасу, увидев, что Обвинитель, некогда его подчиненный Ралд Найцес, оглядывает слушателей, наблюдая за реакциями. Конечно же, Ралд знал все подробности той институтской истории, Круста сама поведала ему их, желая помочь следствию по делу Ребуса. А теперь Найцес выворачивал всё наизнанку, нацелив ядовитую пустоту давних событий на саму Крусту. Обвинитель увидел, с каким лицом на него смотрит Дитр, и поспешно отвернулся.

Председатель объявил вопросы слушателей. Первой кулак вскинула Андра.

— Андра Реа, Министр внутреннего порядка агломерации Акк, — провозгласил Председатель.

— Спасибо. Госпожа Круста, я изучила всю вашу переписку. Я заметила, что письма, как правило, при-

ходили редко. Это, надо полагать, связано с тем, что вы находились на Песчаной Периферии в спорные годы, а Ребус тоже постоянно менял свое место пребывания. Но институт вы закончили в год тысяча два, а первое письмо датировано годом тысяча восемь. То есть семь лет Рофомм Ребус не вспоминал о вашем существовании. Что сподвигло его начать переписку? Ведь первое письмо принадлежит ему.

— Вы хотите, чтобы вас выбрали Судьей, госпожа Реа? — не удержалась Круста. Круста выбилась в министры в сорок восемь, а Андра — в тридцать пять, Крусте это явно не давало покоя. Председатель уже схватился за молоток, чтобы призвать обвиняемую к соблюдению порядка, но Круста быстро ответила на вопрос: — Ребуса интересовали события на Периферии. Ведь именно в год семь-восемь был пик бунтов местных кочевников...

— Пик геноцида местных народов, вы хотите сказать, — громко проговорила Андра — голос у неё стал нервным и высоким.

— Госпожа Реа! — Председатель стукнул молотком.

— Прошу меня извинить, — даже не взглянув на него, сказала Андра. Она вперилась в Крусту своими желтыми глазами, всё её худое лицо с мелкими чертами стало еще острее. Круста тоже перестала владеть собой и поджала губы. Дитр подумал, что Обвинителем выбрали не того человека. — Госпожа Круста, как я уже сказала, Ребус постоянно менял свое место пребывания, которое разыскивали предшественники господина Дитра Парцеса и, собственно, он сам... — Андра кивнула на сидящего рядом Дитра. — Координаты штаб-квартиры, убежища или иного местонахождения

террориста, совершившего массу преступлений против законов всемира и теломира, следовало сообщить силовым министерствам, сокрытие такой информации являлось бы преступлением. Что удерживало вас, тогда еще полевого врача спорной Периферии, от того, чтобы тайно сообщить...

— Я не знала о его адресах, — жестко и холодно перебила её Круста. — Он отправлял мне почту специальными почтовыми животными по эстафетной системе. Как правило, это были змеи и фенеки, один раз письмо доставил шёлковый паук. Животное дожидалось ответного письма, принимало его и без кода — я не давала почтовым животным никаких адресных кодов для эстафеты — уходило с письмом. По всей видимости, Ребус каждый раз формировал новые эстафетные цепочки из почтовых животных и давал им улучшенный код, чтобы они не разбегались сразу после доставки письма, а сохраняли систему и даже доставляли письмо обратно. И я уже сказала, что я его боялась, — Крусту вполне искренне передернуло. — В наш полк прибыли двое моих младших братьев, я только что вышла замуж и готовилась стать матерью. Я не считала нужным злить Ребуса.

— В письмах нет ни слова о вашей беременности или других подробностей вашей личной жизни, — едко проговорила Андра.

Дитр перевел взгляд на Защитника и увидел, как она едва заметно напряглась. Круста всеми силами изображала неприязнь к Андре и нервозности не проявляла. Она лишь ответила:

— Ребус вообще славился умением узнавать то, о чем другие даже не успевали догадаться, — даже на расстоянии в многие тысячи сотнешагов.

— Сомневаюсь, — скривилась Андра.

— Не сомневайтесь.

— Некорректность! — воскликнула Защитник, вскочив с кресла. — Господин Председатель! Подаю ходатайство о недопуске госпожи Андры Реи до выборов Судей. Она проявляет предвзятое отношение, что может повлиять на...

— Я и не хочу быть Судьей, спасибо, — ухмыльнулась Андра и села обратно в кресло. — Просто хотела задать несколько вопросов в надежде, что поменяю своё мнение.

Мнения она не поменяла, а Круста даже не пыталась ей в этом помочь. Другие слушатели спрашивали её о содержании писем и о том, были ли попытки перехватить эстафету животных, чтобы выяснить местонахождение Ребуса. Все письма были о том, что Ребус уже сделал, он не делился планами с Равилой Крустой. Скорее всего, ему нужен был благодарный слушатель, Ребус был склонен к драматизму: все помнили, как он появился на краю разрушенной им плотины, отвешивая поклоны во все стороны, куда ринулась вода, сметая на своем пути город. Все согласились, что такой мотив был вполне логичен для Рофомма Ребуса. Эстафету один раз попытался нарушить солдат Песчаного Освобождения («Он заявлен как Свидетель, — сказала Защитник. — Позже его можно будет вызвать и расспросить») — по одному ему ведомым причинам. Знал солдат или нет, кто доставляет письма полевому врачу Равиле Крусте — не вполне ясно. Свидетеля Председатель постановил расспросить на следующем слушании. После часа расспросов слушателей он объявил окончание третьей части процесса.

Андра с удовольствием поднялась и расправила худые плечи, потрескивая затекшими суставами. Пока включали люстру и разбирали светоскоп, Дитр сжимал и расслаблял пальцы, пытаясь сохранить ощущение реальности происходящего. Андра потянула его за локоть.

— Пошли! Ну вставай же!

Дитр нехотя поднялся и сомнамбулически направился к выходу следом за Андрой и другими слушателями. Они не стали задерживаться на перекус, который предлагали всем участникам заседания, и сразу вышли на площадь.

По небу в сторону заката неслись облака, солнце уже погрузилось, но пока что не торопилось спрятаться за крышами многоэтажных домов городской администрации. На Центральной площади Административного Циркуляра толпились зеваки и журналисты. Дитр заметил, что пришли даже писатели-хронисты — судя по тому, что несколько человек притащили с собой складные письменные столики с печатными машинками и принялись основательно строчить прямо на месте, едва из здания суда показали первые слушатели дела против Равилы Крусты.

Андру и Дитра окликнул женский голос. К ним, разгоняя других журналистов, приближалась знакомая корреспондентка «Точности», а за ней вприпрыжку бежал растрепанный иллюстратор.

— Госпожа Реа, господин Парцес, — официально затараторила журналистка, — я бы хотела...

— Мне здесь неудобно, — закатила глаза Андра. — Я устала, я хочу куда-нибудь прогуляться.

— Вы позволите зарисовать вас обоих на фоне здания суда? — попросил художник. — Я быстро выпол-

ню эскиз, а потом, где бы вы ни дали интервью, я буду идти и дорисовывать на ходу, — пообещал он, а его карандаш уже всю порхал по бумаге.

— Три минуты, — вздохнул Дитр. — Я тоже устал.

Ему было ясно, что Андра не хочет давать дружественной прессе развернутое интервью у всех на виду. «Точность» он и сам читал, хоть и был со многим не согласен, но «Точность» любила и его, и Андру, и вообще всех, от кого шло больше решений, чем проблем. От Равилы Крусты шли жесткие решения, влекущие за собой споры и проблемы, «Точность» и Андра её осуждали.

Подождав, когда проедет легкий открытый поезд со студентами, которых везли в Технический Циркуляр из Кампусного, Андра, Дитр и журналисты пересекли дорогу и вышли в сквер. Корреспондентка («Одора, — вспомнил Дитр, — её зовут Одора, она была на биографическом интервью после финала с Ребусом. Не помню, как фамилия») продемонстрировала Андре свой список вопросов и спросила, на какие она найдёт удобным ответить.

— Слушай, не подстраивайся под меня, задавай любые, — дружелюбно сказала Андра, возвращая ей блокнот. — После расспросов Защиты и Обвинения я первая из слушателей спросила Крусту, взбесила её саму и её Защитника. Защитник даже попросила отстранить меня от возможности стать Судьёй.

— Ого! — цокнула языком журналистка, а иллюстратор смешливо зафыркал, не отрываясь от зарисовки.

Андра поведала о процессе, а корреспондентка быстро строчила в блокноте тезисы. Мимо них пробежала почтовая лиса с капсулой на ошейнике.

— Быстрее! — пискнула Одора художнику.

— Мы же хотели развернутую...

— Развернутую с утра, сейчас быстро в номер!
«Пергамент» уже пустили лису!

— «Пергамент» делает всё без иллюстраций, — пробурчал художник, заканчивая с рисунком.

Он засунул карандаш за ухо и начал аккуратно сворачивать рисунок в трубочку, пока Одора доставала из переноски голубя и нащёлкивала ему адресный код, запихивая исписанный листок блокнота в капсулу на шее птицы. Андра снисходительно улыбалась, наблюдая за приятелями из прессы. Когда в капсуле голубя оказался и рисунок, ученая птица мигом снялась с пальца Одоры и устремилась в редакцию «Точности».

— Фух, — прокомментировал иллюстратор. — Остается надеяться, что наши опередят «Пергамент».

— Новый редактор очень быстрый, — неуверенно улыбнулась Одора.

— Не такой, как голубь, — качнул головой Дитр. — Смотрю, вы потратились на новых почтовых животных? Раньше у вас была сигнальная собачка.

— Крайне нестабильная тварь. Чудо вообще, что мы изловчились научить её различать коды. Всё тявкает и тявкает, — сказала Одора.

— Сигнальная собачка должна охранять особняки от воров, а не носить почту, — мягко проговорила Андра. — Хотя дорогая Равила утверждает, что Ребус выучил даже шёлкового паука какому-то особо сложному почтовому коду. Завтрашний свидетель, как я уже сказала, все поведает в красках. Ну что же вы стоите оба? — она всплеснула руками, увидев, что журналисты мечтательно косятся на лавочку. — Мы